

Геннадий АВЛАСЕНКО

ОБ ОСЕНИ НЕ ПЛАЧУТ...

* * *

Желтеющая боль травы
в осеннем поле,
вязком поле...
Не поднимая головы
пройду
по этой желтой боли.
Она огромна и нема
перед
грядущими снегами...
И кажется: земля сама
от боли
стонет под ногами...

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Я владею собой,
но, увы,
    не владею словами,
когда мысли гурьбой,
а слова,
    как всегда,
        вразнобой...
Вы представьте себе,
        что я просто беседую с Вами...
Нет, не с Вами...
        с тобой...
Я беседую просто
        с тобой!
Мы с тобой заплутали
        в нелепом житейском буране,
и когда ты ушла,
        ты была абсолютно права...

Алесь КОМАРОВСКИЙ КРУТОГОРЬЕ

Роман¹

* * *

— Ясаня, ты?

Как призрак, вскочил от неожиданности Василь.

— Я... Я... — Ясаня не испугалась, не отступила, подалась на несколько шагов вперед. — Букраба передал соль, сказал, что ты ждешь здесь.

— Милая моя... — Василь перехватил тяжелую суму, другой рукой прижал Ясаню к себе. — Ты горячая вся...

— Это от купальского костра, от пламени... — Ясаня одной рукой обняла Василя. — Давай сойдем дальше: наши будут здесь идти искать волшебный цветок...

Небо, словно огромное озеро, плыло, останавливалось над ними. Звезды, как лилии, цвели на этой высокой бесконечности, кажется, колыхались от неслышного ветерка, подмигивали всему земному. Как неугасимый священный огонь, горела луна, осматривая землю. Где-то там, между звезд, возвышается Перун, бог небесного огня, высокого роста, величавый, статный, с черными волосами и длинной золотой бородой. Временами он, сидя на огненной колеснице, объезжает небо с луком и стрелами. Его лук — радуга, а стрелы — молнии. Ими он разбивает полки Чернобога — нагроможденные черные тучи. Рядом с Перуном дремлет среди спелых колосьев и наливных плодов его жена — Громовница.

Василь с Ясаней молча шли около края пущи, смотрели в вечное небо, и им казалось, что они такие маленькие, беззащитные в этом огромном просторе, но счастливые оттого, что встретились, увидели друг друга. Видно, купальская ночь поистине волшебная и умеет оживить мысли влюбленных.

— Я думаю, если бы мы смотрели с неба, то видели, что все люди тоже светятся, как звездочки. — Ясаня еще сильнее прижалась к Василю. — И звери, и все живое...

— Может... — Василь посмотрел вверх. — А когда человек умирает — падает с неба зорька и сгорает, а душа отлетает в теплые края...

---

¹ Окончание. Начало в № 10 за 2024 г.

Наталья СОВЕТНАЯ

ВОЗДУХ С ПРИМЕСЬЮ СЧАСТЬЯ...

* * *

По гололеду после лунной ночи,
Морозной дрожи, слезного дождя
Бежать от боли — нету больше мочи! —
Виденья прошлого — как призрачный судья.

Истлел вчерашний день. Не оправдаться.
Лишь жжет глаза печально-едкий дым.
Огонь прощальный жаждет побрататься
С дыханием осенним, но живым.

Сгорит, сгорит, угаснет эта осень,
И высохнет бессильная слеза,
А неба просинь ярче станет после...
Иному сбыться попросту нельзя.

* * *

Закатным сияющим цветом
Раскрасили осень рябины,
Как будто вскричали: «Не спето!
Не все еще спето, любимый!»

Пылают безлистые кроны,
Не властны над ними ненастья.
Нахохлившись, грустно вороны
Глядят на бедовые страсти:

Что плакать о днях миновавших
И кликать безликое эхо?

Валентина КАДЕТОВА

ХОЛОДНОЕ БЛЮДО

Повесть

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда... Когда б вы знали, из какого сора...»

Не помогает. Ничуть. Не могло, ну никак не могло из низменного побуждения (иначе нельзя было назвать то, что владело Региной, когда она садилась за письменный стол) вырасти что-то стоящее. Ничего не было в ней в те минуты от «инженера человеческих душ». Была обычная, не очень молодая брошенная баба. Ба-ба! Какое тяжелое, неприятное слово! Так и предстает перед глазами нечто громоздкое, неуклюжее, серое! Лучше уж говорить «женщина». Тоже слух не ласкает, но не скажешь же «мадам», «синьора», «леди» или «сударыня»: за насмешку сочтут.

Так вот, женщина эта, поглощенная великой своей трагедией, которая кому-то может показаться мелодрамой, а кому-то и вообще комедией, после нескольких неудачных попыток наказать его, сказала себе: «Хватит суетиться и делать глупости. Месть — это блюдо, которое подают к столу холодным». Вот ее рассказ, а может, и повесть станет «холодным блюдом» для Маслицкого.

Она еще ни строчки не написала, а уже представляла, как он читает, как краснеет от злости. Ведь для него это будет чем-то вроде зеркала, созданного сказочным троллем: всякое пятнышко там огромным пятном покажется! Представляла и радовалась некрасивой — только теперь поняла, какой некрасивой! — радостью.

С такими вот намерениями Регина не одну ночь под лампой просидела. Когда же перечитала первую, вторую... десятую страницу, растерялась: совсем не то на бумагу ложится! Во-первых, совершенно неуместен здесь этот мягкий лирический стиль. Во-вторых, имя. Разве этот... подлец может носить такое благородное имя — Георгий?! В-третьих — и это больше всего огорчало, — герой ее творения упрямо не хотел становиться таким, каким она хотела его показать. Созданный Региной образ перестал подчиняться ей! Она писала, лепила его, а он все больше отстранялся от своей создательницы и начинал жить собственной, неподвластной ее воле жизнью. Какое-то время она пыталась бороться с наваждением, но в конце концов сдалась: что будет, то будет...

И вот произведение вроде бы удалось. Так утверждают критики. Но ведь критики всего лишь люди, и им тоже свойственно ошибаться. Самой же

невозможно отстраненным взглядом посмотреть на собственного «ребенка». Может быть, повесть и в самом деле удалась, но вот «холодного блюда» из нее не получилось. И в сердце Регинином нет уже того жгучего, неодолимого, что еще не так давно туманило разум и понуждало к неприглядным, а иногда и ужасным поступкам.

* * *

Он шел, как ходил всегда: чинно, спокойно, уверенно. Шел и не догадывался, да и до этой поры, конечно же, не догадывается, что те шаги могли быть для него последними. По-след-ни-ми! Так решила она. Еще мгновение — и...

Регинина рука, сжимавшая пистолет, вдруг задрожала и опустилась. Ненавистная (неужели и вправду ненавистная?) фигура растворилась в темноте, и шаги стихли. Регина присела, совсем невидимая под свисающими до самой земли тонкими ветвями и заплакала отчаянными, злыми слезами. Дура! Знала же, с самого начала знала: не сможет она, не осмелится! Так зачем был этот спектакль одного актера, да к тому же без зрителей? А если бы и смогла? Он ведь все равно не успел бы ничего ни понять, ни почувствовать. А ей надо, чтобы понял и почувствовал. И чтобы глаза ее в ту минуту увидел.

Она прислонилась к шершавому холодному стволу плакучей ивы. Что же дальше? Пусть себе живет спокойно этот... убийца? Такие, как он, и есть настоящие убийцы. Нет, их жертвы не падают, залитые кровью. Они дышат, ходят, разговаривают и даже смеются, и никто не замечает, что это всего лишь телесные оболочки, а души, измученные и униженные, бродят по миру и просят спасения, как просила спасения ее, Регинина, душа.

Сначала она ненавидела неизвестного ей «доброжелателя». И Казика тоже ненавидела: зачем ему нужна была та встреча? Она еще ничего не успела спросить у Казика, как налетел коршуном Маслицкий и бросился на него с кулаками. Потом вроде спохватился, сел в машину и рванул с места. А Регине — ни слова. Только взглянул с брезгливостью. Но она не обиделась даже, потому что знала: Маслицкому всего хватило в жизни. Так уж сложилось, что судьба сводила его с не самыми лучшими, как он сам говорил, «представителями семейства гоминид». Вот и разуверился человек. И бог весть что подумал. Утешала себя, представляя, как вместе смеяться будут, когда все выяснится.

Выяснилось. Регина до этого времени удивляется, почему тогда сразу же не разорвалось на части ее сердце. Было ощущение, что во всем теле нет ни одной клеточки, которая не кричала от лютой боли. А те моменты, когда боль отступала, были еще ужаснее, потому что сознанием овладевала одна единственная мысль: перечеркнуть все вместе со своей опостылевшей жизнью. Эта мысль и толкнула ее к приоткрытому окну. За окном было небо. Много-много синего неба. Кто-то из великих говорил, что оно угнетает. Почему? Ведь небо — это символ жизни. Жизни... И вдруг ее словно молния пронзила: «Жить!» Кажется, Регина произнесла это вслух. «И мстить!» — добавил кто-то посторонний. «Мстить!» — эхом отозвалась Регина.

На следующий день она и взяла — украла! — у отца трофейный, дедов еще, вальтер.

Елена ВЕЧЕРСКАЯ
И СВЕТЛОЙ ОСЕНЬЮ
ПОД МУЗЫКУ
ДОЖДЕЙ...

* * *

Осталась только солнечная нить,
С которой можно вышить... выжить... жить...
Заштопать все, что без нее срывалось
В печаль, тоску и беспросветный хаос...
Все, что легко так было не хранить...
И протянуть Вам солнечную нить...

* * *

Мне скоро... 50... Их лето приближает...
Идут, идут года... А впрочем, все как встарь...
И Блока наизусть душа еще читает,
Встречая по ночам аптеку и фонарь.
И лодку моих дней ветра разлук, качая,
Несут куда-то вдаль под синюю печаль,
Она, от суеты отчаянно отчалив,
Летит на свет Любви, на тихое «встречай».
И вновь находит лист забытые аккорды,
И кто-то узнает в них музыку свою,
И вместе с ней душа свои не помнит годы,
Но слышит, как звучит бессчетное: «люблю»...
Ветра разлук несут, но Кто-то обнимает,
И речи коротки, но там, за тишиной,
Находит всех Любовь, душа об этом знает
И наполняет жизнь и верой, и мечтой.
О том, что... 50, вживаясь в бесконечность,
От суеты сует отчалят в те края,
Где временно нельзя,
А можно только вечно,
И только при одном условии — любя.

Наталья КОНСТАНТИНОВА

ЗАГЛЯНИ МНЕ В ДУШУ

Повесть¹

Автор благодарит педагогов-психологов Екатерину Александровну Костюкевич и Полину Васильевну Кондратенко за консультации в процессе работы над повестью.

Стать школьным психологом Настю побудило сострадание. Ей до глубины души было жаль детей, которые чувствуют себя одинокими, непонятыми, никому не нужными и во всем плохом, что происходит с ними и вокруг них, винят только себя. А ведь самоугнетение — путь к саморазрушению. Внутренние ресурсы человека — словно магия, важно, куда ее направить... Недаром любимой цитатой Насти были слова Карла Густава Юнга, который утверждал: «Магическое — просто другое слово для обозначения психического».

Эта мысль великого психоаналитика предопределила профессиональные устремления Насти. Она хотела помочь детям найти внутри себя волшебство индивидуальности, сделать его основой для самопознания и самоутверждения, овладеть своей внутренней магией. Вдохновленная этим желанием, в университете Настя старательно и глубоко изучала современные методики, техники, приемы оказания психологической помощи. Но больше всего рассчитывала на свою природную способность к эмпатии.

Еще со школьных лет замечали окружающие ее люди, как чутко Настя различает малейшие нюансы настроения одноклассников, учителей, родственников, как смотрит она на всех с таким пониманием, что многим становится не по себе: появляется ощущение, будто они просто прозрачные. На уроках литературы Настя настолько увлеченно и не по возрасту мудро анализировала чувства и мотивы героев произведений, что учитель лишь глубокомысленно качал головой. И на последнем году школьного обучения наблюдательный классный руководитель посоветовал девочке: «Тебе нужно становиться психологом».

К тому времени Настя уже прочитала немало книг по популярной психологии и сама жаждала полностью погрузиться в мир человеческой психики, казавшийся ей не менее таинственным, чем квантовая реальность из голливудских боевиков о Человеке-муравье.

Поэтому в конце августа с радостным воодушевлением и с дипломом в сумочке она направлялась в школу, которая должна была стать ее первым

¹ Начало.

местом работы. Школа, совсем новая, построенная по самому современному проекту, открылась всего год назад. Новаторское дизайнерское решение сделало ее облик динамичным. На внешних небесно-голубых стенах по всему протяжению здания был изображен гигантский серебристый самолет, роль иллюминаторов играл средний ряд окон. Конечно, получалось, что на крыльях тоже есть окна первого и третьего этажей, но это никого не смущало. Главное, создавалось ощущение движения, стремления, что символизировало полет к вершинам знаний.

Увидев школу, Настя сразу захотела в ней работать и была счастлива, что именно сюда ее распределили. Лучше всего начинать применять свои знания, пробовать и экспериментировать там, где еще нет жестких, застывших порядков, царит атмосфера новизны и открытости...

Настя какое-то время искала кабинет директора и обнаружила его на втором этаже в углу коридора, немного наискосок от лестницы. Мысленно отметила, что рядом располагается и учительская. Конечно, Настя знала, как зовут ее будущего руководителя, но все же внимательно, внутренне настраиваясь и собираясь, прочитала на табличке: «Оксана Владимировна Ероховец». Сделала глубокий вдох и постучала в дверь.

— Войдите! — ответил энергичный голос.

Оксана Владимировна сидела за столом. Какое-то время будущие коллеги внимательно смотрели друг на друга.

Немного жесткую форму лица Оксаны Владимировны с четко выраженными скулами смягчала стрижка каре. Очень темные волосы добавляли облику серьезности. Приподнятые брови и пронзительный взгляд черных глаз создавали впечатление, что директор смотрит на собеседника вопросительно и испытующе: кто ты? почему ты здесь? Настя могла ответить на эти вопросы, поэтому не смутилась. Улыбнулась и прервала молчание, поздоровавшись.

— Здравствуйте, Анастасия Вячеславовна! — будто прекращая испытание, улыбнулась в ответ директор. — Я очень рада, что у нас наконец появился педагог-психолог и это такая молодая, симпатичная и, судя по вашему портфолио, толковая девушка. Выступления на научно-практических конференциях, дипломы на студенческих конкурсах... Такая активность вас отлично рекомендует.

— Спасибо за хорошие слова, — ответила Настя. — Могу сказать искренне: я люблю свою профессию и надеюсь принести пользу.

— Мы тоже на это надеемся, — еще приветливее улыбнулась директор. — Как видите, наша школа совсем молодая, педагога-психолога у нас не было. Так что, к сожалению, вам не досталась по наследству выстроенная система работы. Придется все начинать с нуля. Вы готовы очень много работать? Не бойтесь, что устанете, надоест?

— Не боюсь, — тряхнула головой Настя. — Знаете, у меня такой характер: чем больше я чем-то занимаюсь, тем больше увлекаюсь и тем интереснее мне становится.

— Замечательно! Значит, именно вы нам и нужны, — с довольным выражением лица произнесла Оксана Владимировна.

Когда Настя спускалась по лестнице, ее чуть не сбил с ног вихрь. Вихрем оказался молодой мужчина в камуфляжных футболке и брюках. Настя не успела разглядеть его лица, заметила только промелькнувший рядом внушительный бицепс. Даже испугалась: «Может, ЧП какое-то и это спасатель?» Остановилась на площадке

и напряженно смотрела вверх, пока мужчина не скрылся за дверями кабинета директора.

* * *

Совсем с другим настроением ожидала начала учебного года девятиклассница Катя. Сначала, узнав, что ее переводят в новую школу, обрадовалась. Многие бы ее не поняли: обычно, проучившись восемь лет в одном классе, не хотят менять окружение. Но так сложилось, что прежняя Катина школа оказалась переполнена, а новая — ближе к дому. В нее и перевели девочку.

Катя совсем не жалела о расставании с одноклассниками. Наоборот, надеялась поскорее их забыть и в новой школе начать новую жизнь, получить в подростковой иерархии более выгодное место. Но как гласит известное латинское выражение, приписываемое философу Бианту, «*Omnia mea mecum porto*» — «Все мое ношу с собой». И никак от этого не избавиться, не сбросить с плеч, не вынуть из души и ума. Ощущение своей ущербности, зависть к тем, кого она считала более красивыми и богатыми, остались с Катей. Эти чувства рождали недоброжелательное и настороженное отношение к одноклассникам, частично даже страх, что выражалось в заискивании и неуверенности. Конечно, при всем этом на высокий статус в классе и школе рассчитывать не приходилось. Корни такого самоощущения, как обычно в подобных случаях, лежали в семье.

Мама родила Катю поздно и не особо радовалась этому. Вопреки обыкновению, любовь родителей к старшей дочери Оле оказалась сильнее, чем к маленькому ребенку. «И правда, разве можно ее не любить?» — с обидой и ревностью думала Катя, когда немного подросла. Оля — хрупкая, с маленькими руками и ногами, тонкими коленями, узкими покатыми плечами, мелкими чертами лица. Вся такая изящная и аристократичная. Совсем не похожая на Катю, которая внешностью пошла в отца. Коренастая фигура с широкими плечами, крупные коленные чашечки, из-за чего девочка стеснялась носить платья и юбки, руки и ноги с толстыми пальцами... Лицо тоже доставляло Кате огорчение: круглые щеки, нос картошкой. Хороши были только глаза, ярко-карие, большие, миндалевидные, с густыми ресницами. Но девочка считала: красивые глаза — это мелочь, которую на общем непривлекательном фоне никто и не заметит.

Строго говоря, Катю нельзя было назвать уродиной. Неуклюжесть ее фигуры могли бы сгладить легкая походка, плавные движения, мягкие манеры. Но никто девочку этому не учил, никто ею не занимался. Родители восхищались и гордились старшей дочерью, на Катю же просто не обращали внимания. Покупки для нее делали по остаточному принципу, не заботясь, чтобы одежда подходила к фигуре. Смартфон приобрели одной из последних в классе, самый дешевый. Как ни странно, даже отец не испытывал теплых чувств к дочери, так явно скопировавшей его черты. Устав после работы, срывался на Кате, покрикивал на нее, чего никогда не позволял себе по отношению к Оле.

Неудивительно, что обласканная, уверенная в себе старшая сестра быстро вышла замуж. Тридцатичетырехлетний муж был для нее, восемнадцатилетней, почти «папиком». Успешный врач-стоматолог Юра стал обеспечивать Олю гораздо лучше, чем родители. Конечно, образовавшаяся семья жила в своей

квартире. Когда они приходили в гости к родителям, те суетились, изо всех сил старались угодить любимой доченьке и ее солидному мужу. На Катю смотрели как на досадную помеху и просили не путаться под ногами. Девочка страдала от своей ненужности и оттого, что никогда ей не стать такой, как Оля, — красивой, изящной, любимой, никогда у нее не будет мужа, предупреждающего ее желания. Юра заметил завистливый и затравленный взгляд Кати, уловил, как к ней относятся родители, и начал постоянно подкалывать девочку.

Эту «лягушачью шкурку» Кате никак не удавалось сбросить и в школе. Одноклассники ее не задирали: рослую, крупную девочку немного опасались. Но Катя не была способна к искренней дружбе без задней мысли, угрюмо таила в душе свои комплексы. Мало с кем общалась, на перемене чаще всего одиноко сидела за партой или стояла у окна. Однако в глубине души чувствовала себя заколдованной принцессой и считала, что, вопреки очевидности, она выше других. Мечтала, что когда-нибудь ее расколдуют и она сможет посмотреть на всех свысока.

А пока приходилось мириться с ролью серой мышки. Даже после того, как на каникулах Катя поработала на часовом заводе под началом отца — старшего мастера, ничего не изменилось. Большую часть полученных денег пришлось отдать родителям, оставшихся хватило на три пиццы. Катя готовилась идти в новую школу и попытаться стать хоть немного более заметной.

* * *

Первого сентября Настя пришла на работу пораньше, чтобы познакомиться с коллегами в учительской. Пообщаться с ними основательно возможности не было, все готовились к торжественной линейке. Настя только представилась и постаралась запомнить имена-отчества хотя бы нескольких учителей. Все ласково ей улыбались, желали быстро освоиться на первом рабочем месте и выражали надежду, что коллектив ей понравится. На торжественной линейке Настя внимательно и с волнением разглядывала детей, родителей. Вот они — те, с кем ей предстоит найти контакт, чье доверие нужно завоевать, чтобы они были готовы принимать от нее помощь.

Когда все разошлись по классам, Настя наконец направилась в свой кабинет, который во время второго визита в школу ей показала Оксана Владимировна. Размещался он, как и учительская, на втором этаже, но в другом отсеке коридора, за поворотом, тоже в углу. Насте понравилось светлое просторное помещение. Хватит в нем места для всех необходимых функциональных зон: индивидуальной, консультационной, групповой работы, игровой терапии, релаксации, коррекционно-развивающих занятий... Рабочее место психолога уже грамотно оборудовано: Настя с радостью отметила, что есть у нее большой стол с удобным стулом, журналы для записей, карандаши с ручками... «Надо бы побольше стульев, чтобы можно было проводить групповые занятия, — представила, как комната наполняется детьми. — Комфортный диван поставить в зону релаксации. Какие-то картинки для смягчения и оживления обстановки... Может, даже мягкие игрушки? Еще нужна подставка для мотивационных и настроенческих постеров». Взгляд Насти остановился на входной двери. «Хорошо бы ее как-то оформить, чтобы тех, кто сюда заходит, сразу располагать к общению. С первого шага зацепить, растормошить...»

Алена АСЕНЧИК

МОЛЧАНИЕ ГРОМЧЕ

* * *

А тем кораблям, что отчаянно в море рвутся,
что каждый прогноз проверяют — собой — на истинность,
пошли им берег, Господи, — оттолкнуться;
пошли им шторма и бури, Господи, — выстоять...

ТИШИНА

Упруго упрямятся весла, скрипят уключины,
течет под корабlichem время: не дремлет кормчий...
Моя тишина на полную мощность включена,
и все равно Твое молчание громче.

Оно звучит, как глина в руках у скульптора,
как свет и тень — на холстах художника.
А мне без слов — никак, оттого и муторно,
и я нет-нет да выскажусь остороженько...

Не там, где Лета плещет свое забвение,
а там, где жизнь пока еще ходит по воду,
даруй мне, Господи, редкостное умение —
смолчать по поводу, а не сказать по поводу...

НЫНЧЕ ОСЕНЬ

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.

Иосиф Бродский

Нынче осень. Нынче сумерки и ливень.
Скоро снова поменяются пейзажи:

всё меняется. И все. А ты наивен,
как ребенок с минимальным бранным стажем.

Настроения к тебе приходят кризом —
слишком бурно, слишком яростно и живо!
Как ты слаб, наш рьяный гений, на капризы,
как силен, из нас вытягивая жилы.

Мы не бездари, не гении — да ладно!
Посмотри на это чуточку иначе.
Нынче осень: обострение талантов
и других неопикуемых болячек.

Благодарствуй за любую перемену
и прощай несостоятельность реалий.
Жизнь сама всегда рассчитывает цену:
как любили — чтобы так и поминали...

Мы к Небесным не приладимся Законам
без изъянов: что им бранные пожитки!
От ошибок здесь никто не застрахован,
даже тот, кто не способен на ошибки...

ПУТЬ

Счастье — это не цель, это путь...

Он живет — дурак дураком,
как считают умные люди:
ест простое, ходит пешком,
иногда мечтает о чуде.
Как-то раз прилег отдохнуть,
задремал ли — бог его знает,
глядь, а рядом — некая чудь!
— Кто ты?!

Отвечает: «Твой Путь» —
и змеиный хвост изгибает.
— В смысле гид?
— Ну, можно и так!
В именах под... на... не торею.
Тут такое дело, Дурак:
выпал я тебе в лотерею.
И теперь, хотя не хоти,
а собирайся: надо идти!

Много хочешь — станешь неясью,
а Дураку весь сбор — подпоясаться.

Взял свою котомку Дурак
(фляжку, каравай (как без хлеба?)),

и пошли: лесок, буерак, —
тихо, мирно... Так, да не так:
Путь с земли нацелился в небо!
— Это что еще за игра?!
— Это не игра, а гора!

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет»,
а гора стоит тихонько: ждет.

Умный влево б шел — не дошел:
Нет конца и края погорью.
Справа тот же был коленкор:
пряма горы — вольное море!

Наш хорош: мечты до небес,
Он на гору взял да залез!
Сидит, свесив ножки,
Как лапша на ложке.

— Ну, и что теперь? — говорит.
— Да ничего. Смотри, какой вид!

ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

Грустный город спит, распластав дороги и провода,
ни пароль от грусти, ни ее секрет никому не выдав...
Помести этот город, однажды и навсегда,
в зеркало заднего вида.

Зачерпни — на дорожку — немного его реки;
в ней вода мертва, но она от бед, говорили, лечит.
Зачерпни — и выпей. Не пакуй походные рюкзаки:
будут свободны плечи...

Сохрани в себе эти спящие улочки и дома,
что черны под слоями ночи, словно обувь под гуталином.
Сохрани, чтобы вспомнить, когда загрустишь сама:
клин вышибают клином.

И когда в душе ярой жизнью заблагоухает сад
и любой сюжет станет важным, неповторимым,
ты увидишь, что тихий город, всеми другими над,
выжил Четвертым Римом.

Григорий СОЛОНЕЦ

БУМЕРАНГ ДОБРА

Рассказы и миниатюры

ЖИВИТЕ В РАДОСТИ

Все думают: придет лучшее время. А оно, увы, только уходит. Поэтому не зря психологи советуют: живите сегодня, здесь и сейчас. Любите, что нравится, делайте, что хочется. Или ничего не делайте, если душа праздности желает.

Помните, в детстве день казался удивительно долгим, а беззаботная жизнь маленького человека бесконечной? Но ничто не вечно под небом голубым, только оно само. Это мы поняли, чуть повзрослев. И немного научились ценить золотой запас, который, увы, тоже исчерпаем, — свое время. Его всегда почему-то не хватает на все наши хотения. Это только кажется, что если ускориться, поднапрячься, то горы дел успеем свернуть. Иллюзия и самообман: не мы властелины времени, а оно — наш властелин.

Сколько раз слышал фразу: «Не успел оглянуться, как выросли дети и прошла жизнь, от которой уже ничего не ждешь». Не хотелось бы, как приговор себе, когда-нибудь произнести эти слова.

И хотя дети действительно выросли, но это же не повод для грусти и печали, а как раз наоборот — пришло время пожить в радости для себя. Причем в полную силу, без оглядки на возраст, привычки, чужое мнение. Кто сказал, что в пятьдесят неприлично ухаживать за красивыми молодыми женщинами, азартно отплясывать на дискотеке или по-байкерски круто водить мотоцикл? Земные радости доступны ведь не по паспорту, а по нашему настроению, желанию их получить.

Прогуливаясь, увидел, как на дворовой площадке мальчишки с азартом гоняли мяч. И так захотелось к ним, хотя бы в линию защиты, если не в нападение. Благодарю себя, что не погасил тот неожиданный порыв души и в те минуты с пацанами будто в детство вернулся. Даже гол забил...

Давно подметил: неисправимые романтики и оптимисты, любящие жизнь, заряженные на движуху, как правило, на здоровье не жалуются. А вечно всем недовольные, из-за всякой мелочи расстраивающиеся, обижающиеся, на подъем трудные — завсегдатаи аптек и поликлиник.

Александр Ващенко

Павел Шпилевский в «Современнике»

Имя Павла Шпилевского прежде всего ассоциируют с этнографией, фольклором, краеведением. И эти ассоциации, безусловно, справедливы. До сих пор существуют те, кто пользуется его работой «Белорусские народные предания» как своеобразной энциклопедией белорусского мифотворчества, и те, кто с ее автором дискутирует. Книга, ставшая визитной карточкой писателя — «Путешествие по Полесью и белорусскому краю», — захватывающе описывает белорусские города и местечки, культуру и быт белорусов, наши традиции и уклад жизни. Но в этой публикации мне бы хотелось представить Павла Шпилевского в ракурсе, на который исследователи обращают меньше внимания, и познакомить читателей с его автобиографическим рассказом, никак не связанным с краеведческой тематикой.

Павел Михайлович Шпилевский после окончания Петербургской духовной академии с 1847 года приказом консистории был отправлен в Варшаву преподавателем русской словесности в местном духовном училище. Об этом периоде жизни нашего этнографа, по его словам, посвященном поискам белорусских древностей, известно меньше всего. Поэтому рассказ «Знакомая незнакомка», в котором явно заметны автобиографические подробности, поможет раскрыть малоизвестные страницы жизнеописания Павла Шпилевского.

Что позволяет считать этот рассказ автобиографическим? Во-первых, главного героя зовут Поль, а это французский аналог имени Павел. Во-вторых, в своих воспоминаниях герои часто переносятся в Слуцк, а мы знаем, что Шпилевский родился в деревне Шипиловичи, которая находится недалеко от этого города. А еще, мне кажется, рассказ дает ответ на вопрос: существовала ли когда-нибудь фотография Павла Михайловича? И, конечно, увлеченность Поля оперой тоже свидетельствует об особенной связи героя и автора. Шпилевский любил театр, писал о нем для петербургского журнала «Театральный и музыкальный вестник» и еженедельной газеты «Иллюстрация». В «Иллюстрации» он вел постоянную рубрику «Дневник знакомого человека», посвященную культурной и общественной жизни Российской империи. И всегда находил место, чтобы рассказать о новостях с белорусских земель.

Я не буду долго останавливаться на художественных достоинствах рассказа: множество ярких и точных деталей, авторское внимание к подробным портретам персонажей и колориту эпохи позволяют говорить об уверенной писательской руке Павла Шпилевского. Конечно, диалоги кажутся слишком напыщенными, иногда вызывают улыбку, но это не только авторский стиль, а еще и примета времени, в которое умами просвещенной публики владел Теккерей с его нотами социального пессимизма.

Рассказ Павла Шпилевского «Знакомая незнакомка» был напечатан в № 8 за 1851 год популярного российского журнала «Современник». Публикация в «Современнике», издании, основанном еще Александром Пушкиным, была честью для любого писателя, и, пожалуй, это один из первых примеров беллетристики белорусского писателя, представленный на суд российской публики.

Важно отметить и такую особенность: в то время, когда Иван Тургенев, Иван Гончаров, Лев Толстой и другие авторы журнала прочно стояли на позициях критического реализма, Шпилевский отдавал дань сентиментализму и романтизму, о чем свидетельствует печальный финал рассказа.

На этом сотрудничество Павла Шпилевского с «Современником» не закончилось: в 1853—1854 годах в журнале было напечатано «Путешествие по Полесью и белорусскому краю», а в № 10 за 1854 год под общим названием «Очерки польских нравов» были напечатаны два рассказа: «Урок старому болтуну» и «Тяжба». И если рассказы остались незамеченными, то «Путешествие по Полесью и белорусскому краю», которое можно назвать энциклопедией краеведения Беларуси XIX столетия, навсегда останется ярким литературным и историческим памятником своей эпохи.

Думаю, что сотрудничество с «Современником» у Павла Михайловича имело бы продолжение. Тем более что с 1856 года журнал возглавлял Николай Добролюбов, с которым он поддерживал дружеские отношения еще с декабря 1853 года: в ту пору Николай Андреевич был студентом Главного педагогического института в Петербурге, а Павел Михайлович там работал. Но судьба распорядилась иначе: Павел Шпилевский умер в октябре 1861 года, не дожив до своего тридцативосьмилетия...

А теперь, уважаемые читатели, давайте окунемся в варшавский быт середины XIX столетия и прочитаем рассказ, который не печатался более полутора столетий...

ПАВЕЛ ШПИЛЕВСКИЙ

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

Рассказ

I

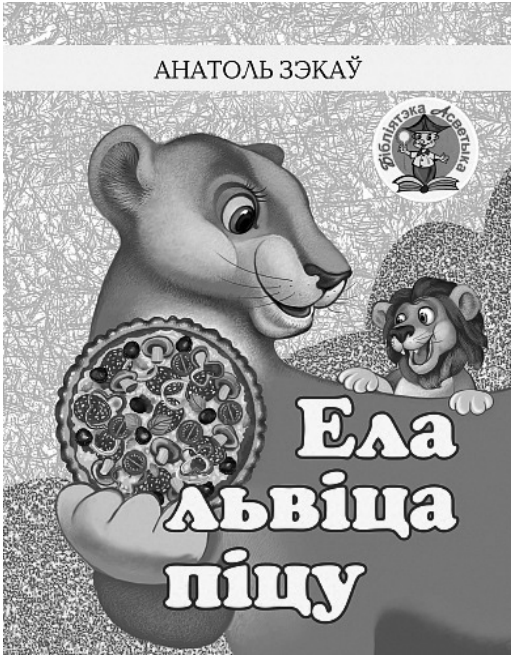
То, что я хочу рассказать, случилось летом, именно в месяце мае. Нужно заметить, что варшавский май нельзя сравнить с петербургским. В Петербурге в мае еще весна и нередко проходит чрез Неву ладожский лед; а в Варшаве в мае уже лето и цветут деревья; Висла набита прусскими и познанскими судами; дни с самого утра знойны, душливы; на башне Думы постоянно обозначается то 24 °С, то 25 °С, то 26 °С тепла; по уличным мостовым ходить невозможно, сидеть дома тоже; везде преследуют пыль, духота; остается одно — забраться в какой-нибудь тенистый сад (к счастью, в Варшаве довольно тенистых садов) и там под сводом каштанов и лип, при звуках национальной польской музыки, которая летом улаждает ваш слух на всяком шагу, прохладиться свежим воздухом или чем-нибудь вроде мороженого.

Татьяна ДАШКЕВИЧ

Просто и мудро

Рецензия на книгу Анатоля Зэкова «Ела львица піцу»

В детской серии издательства «Народная асвета» «Бібліятэка Асветыка» в 2024 году вышла новая книга Анатоля Зэкова «Ела львица піцу». Одной хорошей книгой для маленького читателя стало больше.

Редкий случай, когда писатель, которого невозможно уже назвать молодым, абсолютно свободно и комфортно чувствует себя в тематике, соответствующей мироощущению современного ребенка. Немало наших авторов грешат тем, что в литературных произведениях для самых маленьких транслируют непонятную им реальность — детали из своего детства, а то и детства своих родителей. В веселых стихах Анатоля Зэкова мир, предлагаемый автором детям, современен, существует в унисон с тем, в котором живет мальчик

или девочка сегодня. Там, как и читатель, и его друзья, львица ест пиццу, на хуторе живут не только люди, но и велосипеды, и скутеры, антилопе для путешествия нужна виза, бекас гладит перышки утюгом, а за соревнования предлагается приз... И эти детали обычной, привычной современной жизни должны вызывать у маленького читателя-слушателя не только интерес, не столько узнаваемость его мира, но и доверие.

Анатолий Зэков настолько виртуозно владеет белорусским языком, так понимает и передает детское восприятие, что каждое стихотворение воспринимается как игра. В каждом — своя закольцованная вселенная, свое собственное жизненно-игровое пространство. Это маленькие шедевры, написанные виртуозно, безупречные по технике, мастерски срифмованные, построенные нередко на игре слов, отчего легко запоминаются и, мне кажется, должны оставаться в памяти маленького человека на многие годы. Некоторые давно привычные образы детских стихов «переформатированы», читаются по-новому. Например, арбуз и мячик. Обыгрывается их сходство — и перед глазами возникает мячик, сделанный в виде арбуза. Об этом и стихок. Казалось бы, уже повод-образ, уже сказано необходимое для детского восприятия. Но автор предлагает еще и игру: а что, если попробовать резиновую копию арбуза? Или это, «Кот и клубок»:

Кот — вядомы абібок —
Нітак разматаў клубок
І цяпер сядзіць-гадае,
Як назад яго зматае.

Мы много раз уже слышали эту историю. Но вот чтобы кот не разматывал, а сматывал клубок — сказано впервые.

А вот известнейшая пара — кот и мышь. Разве можно сказать что-то новое об этом дуэте? Оказывается, можно, ведь мышка — не та, что раньше. Она — компьютерная.

В книге много элементов игры — игровых стишков-считалочек, ребусов и даже скороговорок, есть несколько чепуховин вроде «Барсуковой небылічкі»:

А калі прамоклы сук
На шкарпэтках высыхаў,
Дык быў рады так барсук,
Ажно хобатам махаў.

Есть в книге и познавательные стихи, из которых узнает ребенок, что чайка — белая, курица не плавает, василек можно называть и «валовшкэй», что ястреб — хищник, а у сома, даже если он маленький, есть усы. Ребенок благодаря стихам Анатоля Зэкова узнает и о том, что нужно делать кормушки, кормить голубей, а самый лучший чай — собранный мамой из трав на лугу и выпитый в кругу семьи. Это не только уроки познания мира, но и доброты, трепетного, заботливого отношения к братьям нашим меньшим, природе и близким людям.

Книга построена как бы по степени роста ребенка. Начинает автор с детского восприятия мира и жизни. Автор-ребенок опасается, что медведь оттого, что сосет всю зиму лапу, может высосать всю и остаться без нее. В созвучии с пониманием маленького читателя звучат веселые истории из зоопарка, интересные аналогии вроде МАЗа и дикобраза. На этом фоне, как добрый совет того, кому доверяешь, звучит и урок устного счета в первом классе, и ненавязчивое напоминание о том, что весной птицам понадобятся кормушки. Завершается книга стихотворением «Наш клас», где автор предлагает маленькому читателю посчитать, сколько в классе девочек и сколько мальчиков, при этом называя имена мужские и женские.

Если бы нужно было в нескольких словах определить ценность этой книги, я определила бы ее так: просто, мудро, интересно, весело.

Добавлю, что подобная детская книга немыслима без иллюстраций. Иллюстрации Валентина Макаренко очень выразительные, простые и при этом довольно детальные, веселые и добрые, с юмором.

Тираж книги 1000 экземпляров, что делает ее доступной не только сети библиотек. А учитывая популярность автора и нужду родителей в подобных изданиях для детей, можно предугадать, что книга будет востребованной и любимой.

Ирина ФОМЕНКОВА

«Откровение» Людмилы Шевченко

Поэтесса Людмила Шевченко отметила свой юбилей выходом в свет нового сборника стихов — «Откровение» (Кобрин: Нижник Н. П., 2024). В книгу вошли произведения разных лет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы Алина Сабуть во вступлении к сборнику отмечает: «Жаночы свет гродзенскай паэтэсы Людмілы Шаўчэнкі вымяраецца сваёй, адметнай сістэмай каардынат. Вытанчаная, далікатная лірыка прыўзнямае над мітуснёй штодзённага быцця, вымалёўвае-выспявае мажорную мелодыю кожнага радка...»

Символично и название — «Откровение»: то, что неожиданно раскрывает истину, делая ее явной, понятной.

Как скорый поезд, мчатся годы,
Грустнеет взгляд.
Судьбы капризы и невзгоды
Меня не злят...
И были взлеты и паденья,
Был дан урок.
Все радости и все лишенья
Пошли мне впрок.

Людмила Шевченко родилась в деревне Губинка на Гродненщине в семье учителей. Благодаря матери научилась читать в пять лет. Школьная библиотека стала ее вторым домом. Обнаружился отличный музыкальный слух. Ритмы и рифмы с детства звучали музыкой.

Вспоминая детские годы, Людмила Владимировна с улыбкой рассказывает: — Отец преподавал русский язык и литературу, его чуткость к слову поражала. Сам писал стихи. Я росла в мире прозы и поэзии. Помню: в один из летних дней отец взял меня в ночное. Что это была за ночь! Луна, искры костра... А совсем рядом — ржание лошади и легкое пофыркивание жеребенка. Мы подошли к лошадям. Жеребенок взял сахар с моей руки. Такой милый, доверчивый. Эта картинка спустя годы стала одним из моих первых стихотворений.

Жеребенок ты, жеребенок,
С рыжей гривой, чуть-чуть смешной,
Не спугну я тебя, не трону,
Подойди и постой со мной.